

есть сделал четкий выбор между двумя сторонами, — замечает Куба. <...>.

1945. 16/XII.

Ира [Ирина Вячеславовна Панова — вторая жена Ивинга. — О.Ш.] давно просила меня достать билеты на концерт Вертинского, который устраивается ВТКО в помещении театра имени Немировича. После нескольких тщетных попыток добыл их через администратора Эльского, который сделал вид, будто оказывает мне величайшее одолжение, давая возможность заплатить 50 рублей за два места в седьмом ряду. Начало в три часа дня.

Дожидаюсь Иру, заметил бледного человека без шляпы, но в легком франтовском пальто, вроде альмавивы, какие носили поверх фрака. Человек этот проследовал за кулисы. Я узнал Вертинского. Говорят, у него есть примета приезжать на концерт и уезжать без шляпы. Каприз знаменитости. Очевидно, есть авто, иначе не очень-то погуляешь по московским улицам в мороз без головного убора.

На этот раз я лучше рассмотрел его, чем в прошлый.

Он удивительно одряхлел. Он похож на того старого кинеда, о котором с таким отвращением пишет Петроний. Лицо без бровей, без ресниц выражает лицемерие и порочность; следы распутства, излишеств явственно запечатлелись на этой старческой физиономии с провалившимся, запалым ртом, точно у беззубого младенца. Больше всего походит он на старого младенца или впавшего в младенчество старика тогда, когда возводит глаза к небу с противно-слащавым выражением. Щеки и подбородок отливают красноватым лоском. Видимо, Вертинский только что побрился, слишком надрал кожу и даже не успел, а, может быть, не пожелал напудриться.

Таким же противным glanceм отсвечивают отвороты из черного атласа, тоже сшитые из легко мнущейся дешевой материи. На безымянном пальце сверкает бриллиант. Вертинский охотно его показывает.

Тяжелые веки, глубокие взлызы на висках, переходящие почти на лысину, набрякшие щеки, неизгладимая печать одряхления... Господи, как страшно. Это лицо, похуже на мертвую маску. Цоки верно говорила, что с годами все пороки отпечатываются на лице. Старость вообще не красит человека. Но есть достойная старость, не лишенная известной красоты и величия. Старость Вертинского — старость человека. <...>.

Вертинский всегда обнаруживал пристрастие к кладбищенской лирике. Мысли о смерти неизменно обвивали его стихи, как изваянные чудовища вечно обвивают изваяний слонов в подземных храмах Сивы близ Голконды. Но тогда, раньше, упоминания о смерти были лишь только орнаментом, своего рода пикантным соусом, приправляющим другие чувства, заставляя острее ощущать наслаждения жизнью. Теперь в репертуаре Вертинского все больше элегических нот. Они решительно преобладают над всем остальным. Это уже не узор, вышитый на ткани стиха, это самая ткань; мысль о смерти вплетается в ее основу, составляет с ней нераздельное целое.

Видимо, старея, Вертинский все чаще обращается к мысли о бренности всего сущего, тревожившей его и смолodu. Боятся ли он смерти, неизбежности уничтожения или она возмущает его; возмущает созна-

нием бессилия человека в борьбе с этим чудовищным неодолимым врагом? Так или иначе, количественное увеличение кладбищенской тематики говорит о чувстве близости конца, чувстве, знакомом всякому старику.

— Дожидаем, — вспоминал я слова И.Горева, сказанные в ответ на мое «как поживаете?».

Особенно четко эта мысль о смерти ощущается в песенке «Последний бокал», соединяясь со странной примиренностью.

Автор проявляет эту примиренность во всем. Пусть любимая женщина бросит, отравит, уйдет к другому — он благословляет ее за все: и за бывшее счастье, и за настоящую минуту, и за боль, которую она ему причинит. Он знает, что вино отравлено, он знает это и потому, что она страшно бледна («ты совсем снеговая») и потому, как дрожит ее рука, «наливая мне бокал золотого вина».

он знает как будет задыхаться и корчиться от яда — все равно он выпьет бокал.

Все безразлично ко всем («ближнему»). Вертинского оставляет глубоко равнодушным мысль о несчастье и смерти ближнего, то есть оставила бы равнодушным, если бы не сознание, что и ближнему также наплевать на поэта.

Примиренностью проникнута песенка «Прощальный ужин». Поэт расстается с любимой. Она уезжает. Новый любовник уже ждет ее. Ну, и пусть ждет, пока Вертинский не закончит свой ужин.

В числе вещей, исполнявшихся сегодня, была и песенка «В детской» на слова В.Инбер, следовательно, старейшая вещь в репертуаре. Ведь две первых вещи, с какими Вертинский выступил в том жанре, который принято называть жанром Вертинского, были «В детской» В.Инбер и «В голубой далекой спальне» А.Блока. До этого он пел только куплеты «Каракуль» и «Танго». Лишь убедившись в успехе лирических песенок, он стал сочинять собственные — «Попугай Флобер» («Вот вы ушли, и день так пуст и сер...»), «Бал господень» и другие.

Я смотрю на дряхлую физиономию Вертинского, слушаю его песенки и думаю, что вижу

перед собой живой обломок прошлого. Так мыслил и чувствовал не он один. Он был только вульгарнее и потому понятнее широкой публике, чем натуры более тонкие и поэтические, чем художники более совершенные. В искусстве, как в торговле: самые дешевые произведения имеют наибольший сбыт.

Вертинскому нельзя отказать в чувстве момента. У него чутье журналиста, несмотря на профессию лирического поэта. Он предугадывает, что надо публике, и отвечает на ее запрос.

Я понимаю, что привлекало к его творчеству публику дореволюционную — болезненность, изысканность, нежность, печаль, сострадание к обделенным на жизненном пиру, мысль о смерти, близкая всем во время войны (начало известности Вертинского совпадает со временем империалистической войны 1914—1917 годов).

надо быть сволочью и дрянью, чтобы в течение долгих лет угощать читателя такими плохими стихами. Не верю, чтобы Вертинский мог написать стихи хуже В.Инбер.

Ира в полном восторге от «Доченок». Она все повторяет:

У меня завелись ангелы,
Завелись среди белого дня.

Это словечко «завелись» бесконечно ее умиляет. Завелись, говорится о мышах, крысах, клопах и так далее — не о дочках.

Мне больше нравится другое место:

Дочки мои, доченьки,
Доченьки мои,
Будут у вас ноченьки,
Будут соловьи.

Тут старчески умудренное предвиденье повторности человеческих судеб, радостей и печалей. Примиренно поэт говорит о том, что доченьки закроют ему «оченьки» и те же соловьи будут петь на его могиле.

дать слову другую интонацию, иную смысловую или тембровую окраску. Если вы не спорите с исполнителем, если вы принимаете все его интонации как должные, как единственно возможные — значит перед вами мастер слова.

Если говорить о литературном мастерстве Вертинского, оно невелико — на уровне Л. Никулина, чуть повыше В.Инбер. Но исполнительское мастерство, мастерство произнесения слова, его окраски, освещения, умения выделить слово, как бы направив на него луч прожектора, либо наоборот затушевать, погрузить в полутьму, — во всем этом Вертинский превосходный мастер. Он чувствует перспективу фразы, понимает, что закат светотени распространяется и на искусство слова. Одни слова должны быть выделены, как бы озарены особым блеском, другие наоборот окутаны сумерками. Чувством перспективы фразы я называю умение чтеца уловить в ней то, что должно быть выдвинуто на первый план и что отвести на последний.

Я особенно оценил чудесное мастерство Вертинского даже не на его концерте, а слушая в тот же день по радио концерт Игоря Ильинского.

Обращение Ильинского со словом показалось мне грубейшей профанацией. Все мимо, все фальшиво. Человек заботится только о том, чтобы насмешить, не используя возможностей, заложенных в самом словесном материале. Ильинский смежит своим голосом, его нагло-хриплым тембром, нелепым подхрюкиванием и подвывом. Но он решительно не понимает того, о чем говорит. Иначе чем можно объяснить совершенно случайные интонации, неверную раскраску и перспективу.

17/XII.

Севка уговорил пойти в клуб МГУ, где должны демонстрироваться новые эстрадные номера, в том числе и балетные. <...>.

3. Ярцева — певица.

Женщина с чересчур румяным лицом, слишком черными бровями в платве из рубчатого бархата желтовато-коричневого цвета обивки вагонов II класса. Голос третьего класса. Поет псевдо-выразительно. Отдать бы ее в обучение Вертинскому. <...>.

4. Евг. Наумова. Номер называется «художественное чтение», а читает Наумова стихи Маргариты Алигер. Nonsense! Читает плохо, потому что банально. Тоже не мешало бы поучиться у Вертинского. <...>.

1946 г. 7 апр. Воскр.

Был с И. на капустнике в ВТО. Пришли в 1/4 11-го, то есть за 3/4 до начала (официального) и почти за 2 часа до фактического. Вяло бродили по фойе, осматривая выставку ВТО. И. восхищалась фотографиями Плеса, как всегда его рекламируя. Я в свою очередь старался привлечь ее внимание к фотографиям Алупки-Сары, бесконечно дорогой мне по воспоминаниям о Шуре. За серыми фотографиями я видел лазурное сверкающее море, зеленый бархат кипарисов, чуял запах <слово нрзб.> акаций подобный запах персиковых плодов.

● Фотография 1930-х годов

● С женой

Лидией Владимировной.

Конец 40-х

Окончание см. на стр. 16